

НА СОЛНЕЧНОЙ ПОЛЯНОЧКЕ

В 25-й раз в Вязниках прошли Фатьяновские дни

Независимая газета - 1998 - 30 июля

Сергей Федякин

МЫ НАСТОЛЬКО привыкли к песням Фатьянова, что уже не замечаем ни его сравнений, ни эпитетов, ни картин. А ведь как часто здесь — соловьиные ночи, «хорошие» звезды, «росистые тропы» или «стежки полевые», запах лип, блеск реки. И — сады, сады, сады: «Где ж ты мой сад, вешня заря?»... «Не спит солдат, припомнив дом и сад зеленый над прудом»... «И сады, и поля, и цветы, и земля»... И рядом — девушки, которые кажутся «кудрявою рябиною», «ромашкой», «черешней», «яблонькой», «вишней», «черемухой»... За сравнениями встают те же сады, заливиные соловьиные трели, дыхание реки. Это и есть Вязники, родина Алексея Фатьянова. Это она напитала его песни и своими «солнечными поляночками», и «майскими короткими ночами», и прудами, в которых под утро «гаснут звезды».

Каждое лето, когда на очередной фатьяновский праздник съезжаются гости из других мест, их обязательно приводят в одно их самых чудотворных мест России — такими видами можно душу лечить. Высокий берег, внизу — живописная излучина Клязьмы, заливиные луга, — и ширь, и даль. И обязательно кто-то скажет: «А вы были в Константинове? Так похоже!»

Да, в есенинском Константинове — что-то до удивления родное этому виду на Клязьму: высокий берег, излучина Оки — и простор, от которого вольно и легко дышится. Реки в своих изгибах похожи так, как бывают похожи сестры — не только внешностью, но и характером. И все же каждый почувствует: Ока — старшая сестра, Клязьма — младшая; она как-то спокойней, кудравей (от береговой растительности) и — солнечней.

Есенин для Фатьянова был по-этом любимым, если не любимейшим. Но в стихах Фатьянова не услышишь есенинских нот, все у него свое, «вязниковское». Родство — не на поверхности, а в глубине: стихи Алексея Фатьянова тоже родились из народной поэзии, только не деревенской, а «провинциально-городской».

При жизни он сумел выпустить лишь тоненький сборничек стихов, но ему завидовали поэты, имевшие десятки книг. Фатьянова пели, пели повсюду, пели по-много, начиная со знаменитых военных: «На солнечной поляночке», «Соловьи», «Горит свечка огарочек...» — и кончая более поздними: «Когда весна придет, не знаю. Придут дожди... Сойдут снега...» или «Если б гармошка умела все говорить, не тая...» Других поэтов поражала счастливая судьба его песен: ладно бы одна-другая, так нет же — сколько их пошло в народ! И успех этот казался невероятен, необъясним. Мало ли людей, пишущих стихи, мучалось тогда вопросом: «Почему его поют, почему не меня?»

Секрет Фатьянова был прост. Дело не только в напевности его стихотворений, но и в его умении двумя-тремя строчками сказать то, что каждый из его современников и даже потомков мог про себя повторять и повторять, примеряя фатьяновские фразы к своей собственной жизни: «...Уж так назначено судьбой, чтоб нам уйти, недолюбив, от наших жен, от наших нив»... «Майскими, короткими ночами, отгремев, окончились бои»... «Ты ждешь меня, хорошая моя»... «Когда про-

Клязьмы с девушкой в венке из ромашек.

В Вязниках и сейчас можно встретить людей, уже в возрасте, которых Фатьянов знал мальчишками:

— Он простой был. С нами на рыбалку ходил. Веселый. На улице встретит — по плечу похлопает.

Воспоминания стали преданиями, из которых сложились все особенности летних праздников в Вязниках. Из прежних рыбалок Фатьянова на берегу Клязьмы появилась многоголосая, с пением и

первый фронтовой исполнитель «Соловьев», и нынешний исполнитель тех же «Соловьев» Геннадий Каменный, поэт-песенник Владимир Лазарев и молодой поэт Александр Шаганов, автор «песен для группы Любэ», композиторы Юрий Бирюков и Павел Аедоницкий, космонавты Кубасов и Леонов и многие, многие другие.

Четверть века живет фатьяновский праздник. В один год он похож на праздник народной музыки, в другой — кренится в сторону эстрады. И все-таки есть одна

На сцене — первый фронтовой исполнитель песни «Соловьи, соловьи...» Олег Сергеевич Чепель. Фото Галины Рыбниковой

ходит молодость, еще сильнее любится»... «Самая далекая, самая желанная»... Многие его строчки превратились в емкие и точные «формулы» судеб миллионов людей. Их уже невозможно произнести по частям. Силу этого словесного сцепления видишь только сейчас, когда все это — в детские годы, через слух — вросло в твое сознание. Современники вряд ли могли бы так говорить о фатьяновской поэзии, но ощущали-то, в сущности, то же самое. «Где же вы теперь, друзья однополчане?» — простейшая фраза. И можно ли точнее передать странное, двойственное ощущение: конец войны — это встреча с родным домом, и это — разлука с фронтовыми товарищами.

Как часто бывает с песнями, ставшими частью нашего сознания, об их рождении существуют не воспоминания, но постулаты. «Горит свечка огарочек, гремит недалний бой...» — вслед за рождением этих строк — ночной переполох, счастливая хаотическая стрельба в воздух: было 8 мая 45-го, окончилась война. «Где ж ты, ромашка моя?» — пропелось после случайной встречи на берегу

плясками, уха для гостей — певцов и артистов, поэтов и музыкантов. (Кстати, в этом году «уха» оказалась с «сюрпризом» — ее сварили из грибов.) И главный день праздника — это четырехчасовой концерт под открытым небом на «Солнечной поляночке», и призы — дипломы с мастерской росписью (родня Фатьянова почти вся — в Вязниках и Мстере), хрупкие, прозрачные с переливом соловьи из Гусь-Хрустального. И каждый раз — народу видимо-невидимо. И как часто еще до концерта какой-нибудь баянист, из тех, что сейчас пойдет на эстраду, накручивает русскую или вальс, а бабушки с внучками — отплясывают, а после, запыхавшись, разом выдыхают: «Ух! Уморились! Спасибо, сделали настроение!»

В июле нынешнего года прошел уже 25-й фатьяновский праздник. Перечислять всех выступавших и всех гостей можно очень долго: актер Валерий Золотухин и виртуоз баяна Анатолий Вергопуло, актер Александр Михайлов и певица Татьяна Жданова, известное «трио» (композитор — поэт — певец) Александра Пахмутова, Николай Добронравов и Юлиан... Олег Сергеевич Чепель,

примечательная особенность этих июльских дней, которую в Вязниках ощущаешь всегда. Ежегодные праздники в Вязниках — действительно фатьяновские. Самого Фатьянова здесь, среди слушателей, или на клязьминской уже представить легко. И не только потому, что каждый год сюда приезжает Галина Николаевна Фатьянова, вдова поэта. Не только потому, что собирается здесь и фатьяновская родня. Наконец, не только потому, что каждое лето этот праздник устраивает и пестует и Союз писателей России, и администрация города. Есть что-то особенное и в слушателях, и в самой природе Вязников. По крайней мере между исполнителями и зрителями здесь нет той концертной «пропасти», какую обычно испытываешь в столицах. И хоть с каждым годом выбивать средства для проведения Фатьяновских дней становится все трудней, следующий год, 1999-й, — особенный. Исполнится 80 лет со дня рождения поэта и 40 лет с того дня, как он ушел от нас. Его песни живут своей судьбой. И значит — Вязники были, и Вязники еще впереди.

Вязники—Москва